

Порок – человек, воздымающий руки к епископу. Это – Бунт, неповиновение Церкви. Твердость (*Perseverantia*) представлена знаками короны и львиными головой и хвостом, тогда как Непостоянство (*Inconstantia*) изображает монах, который, убегая из своего монастыря, оборачивает назад голову.

В таком виде предстают в искусстве зрелого средневековья некогда воинственные пороки и добродетели. Но и на этом не заканчивается долгая история этих образов. Следующие эпохи, особенно Возрождение, исключительно охотно включало в свои программы изображения дев, олицетворяющих добродетели, что только подтверждает редкое по силе влияние аллегорий Пруденция, начало которому было положено древнегреческой поэзией и философией.

ИМПЛИЦИТНАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОЯВЛЕНИЯ

О. В. Мащитько
Минск, Беларусь

Современную эпоху часто характеризуют как «постидеологическую», в связи с чем возникает закономерный вопрос: можно ли утверждать, что мы действительно живем во времена постидеологии, или это время господства нового типа идеологии, не воспринимаемой в качестве таковой. При такой постановке вопроса область исследовательского интереса неизбежно перемещается с явных на неявные механизмы проявления идеологии, а одну из ключевых ролей начинает играть лингвистический аспект исследования идеологических феноменов.

Апелляция к очевидности является традиционным приемом идеологического дискурса. Это отмечалось и в классическом марксизме (сквозь призму «ложного самосознания» нельзя различить «истинное» положение вещей), так и в неомарксизме (например, в понятии гегемонии). В области политической идеологии с теми или иными оговорками к неявно функционирующим можно отнести те идеологии, которые связаны с построением постметафизической политической теории. При этом следует различать идеологии, воспринимаемые в качестве внедискуссионного политического стандарта, такие как западцентризм, права человека, демократические нормы, и те, которые вообще не воспринимаются в качестве идеологических, например, иде-

ология потребления. Аналогичным образом можно говорить о существовании неявной религиозной идеологии. Подобно тому, как в «постидеологическом» обществе функционирует неявная идеология, секуляризованный постхристианский мир также является религиозным в специфическом смысле слова. Среди современных форм религиозной идеологии к «неявному» типу можно отнести религиозный атеизм, трансгуманизм, народный экуменизм, New Age, неинституциональную религиозность.

Подобно тому, как современную эпоху нельзя назвать «постидеологической», современную культуру нельзя назвать секулярной. Традиционные религии утрачивают свое влияние на человека, но возрастает интерес к религии в ее нетрадиционных и внеконфессиональных формах, в связи с чем можно говорить о «пострелигиозной» неявной идеологии. Экспансия неявной религиозной идеологии осуществляется в формах оккультизма, эзотеризма, магии, мистицизма, паранормальных верований, нетрадиционных методов лечения, эклектической смеси отдельных элементов традиционных религий, популярных псевдонаучных теорий, мифов, суеверий. Специфика современной культуры заключается в том, что в ней новая религиозность благодаря искусству, СМИ, интернету получила широкое распространение и легитимность. Основным каналом распространения неявной религиозной идеологии становится массовая культура, которая, с одной стороны, активно участвует в ее формировании, а с другой – находится под ее влиянием. Сегодня можно говорить о религиозной составляющей массовой культуры, для которой характерно наличие объектов поклонения, которые имманентны миру. Так, миф о Герое занимает в массовой культуре место, аналогичное месту Бога в концептосфере религии (их функции идентичны), архитектоника, семантика и прагматика массового зрелища аналогичны религиозному культу. При этом существование объектов поклонения, не связанных напрямую с традиционными религиями, наблюдается с самого начала Нового времени. Рыжов связывает это именно с началом процесса секуляризации. Современные новые религиозные движения в связи с этим – лишь верхушка айсберга¹.

В условиях неявного функционирования идеологии анализ языка становится приоритетным в ее изучении. Явная идеоло-

¹ Рыжов, Ю. В. *Ignoto Deo: новая религиозность в культуре и искусстве* / Ю. В. Рыжов. – М.: Смысл, 2006. – 328 с.

гия «скрывает» истинную реальность, используя язык в качестве средства и делая акцент на содержании. Тогда как неявная идеология исходит из положения, что истинной реальности не существует, есть только идеологические конструкции, конституируемые языком. Поэтому акцент делается на форме.

Имплицитность воздействия современной идеологии является одной из основных тем постмарксизма. Так, в концепции Лакло и Муффа в качестве аналога неявной идеологии могут рассматриваться дискурсы, утвердившиеся настолько прочно, что об их условности забыли и считают объективными (они называются «осадочными»). Осадочный дискурс всегда может быть пересмотрен в новой артикуляции, поэтому в социуме граница между условным и безусловным всегда подвижна¹. Объективность применительно к господствующей картине мира в социуме трактуется как «осадочная власть». Это социальная реальность, в которой следы действия власти стерлись. Поскольку в данном случае условность выдается за объективность, мы имеем дело с идеологией. Таким образом, неявная идеология – это идеология, кажущаяся объективностью, а объективность – то, что кажется нам раз и навсегда данным, неизменным. На самом деле значения изменчивы и условны, но идеология маскирует условность, скрывая альтернативные возможности значений. И поскольку объективность конституирована дискурсивно, она должна анализироваться на уровне лингвистического анализа.

У другого представителя постмарксизма, Жижека, понятие неявной идеологии является лейтмотивом всех работ – как научных, так и публицистических. Утверждая, что в посткапиталистическом обществе наблюдается новый способ функционирования идеологии, и опираясь на положение Хабермаса о современной эпохе как «новой непрозрачности», Жижек ставит задачу разоблачения мифа о том, что современная эпоха – эпоха конца идеологии. Базисным утверждением в этом контексте является утверждение, согласно которому идеология есть сама социальная реальность. Не иллюзорная репрезентация действительности, а сама действительность, понимаемая «идеологически», что предполагает наличие «незнания» в ее структуре. Таким образом, идеологическая мистификация имманентна самой социальной

¹ *Laclau, E. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics / E. Laclau, Ch. Mouffe. – London: Verso. – 1985. – С. 288.*

реальности, она не требует никаких дополнительных символических конструкций, но сущностным для социальной действительности является незнание.

Аналогичным образом Жижек подходит к понятию неявной религиозности. Анализируя новый способ бытия религиозных идей в эпоху секуляризации, он обращает внимание на то, что для нашего время специфичным является обилие вещей, лишенных своей сущности, своей субстанции: кофе без кофеина, сливки без жира, безалкогольный алкоголь, виртуальный секс, война без военных потерь (Колин Пауэлл), мультикультурализм как опыт Другого, лишенного инаковости. Логично было бы предположить аналогию применительно к более глобальным вещам: общество без общества, политика без политики и, наконец, безрелигиозная религия.

Специфика современного социального устройства, если рассматривать его с точки зрения понятия секуляризации, заключается в том, что религия уже не идентифицируется с определенным культурным устройством. Это ведет к процессу глобализации религии: поскольку она не является интегрированной в определенный социальный порядок, то способна к автономному существованию и может существовать в разных культурах. Ключевыми для современности Жижек считает две функции религии – терапевтическую и критическую. Причем в области реализации критическую функцию глобализирующаяся религия берет на себя функции, традиционно ассоциирующиеся с ересью.

В характеристике современного религиозного сознания Жижек можно эксплицировать по меньшей мере шесть феноменов, которые правомерно отнести к неявной религиозной идеологии:

1. Феномен «дезаурированной», или смещенной, веры. Так Жижек обозначает веру, которой придерживаются в силу культурных причин. На этом определении базируется «нефундаменталистское» понятие культуры, основанной на обезличенных (дезаурированных) верованиях. То есть это совокупность норм, правил, ценностей, которым мы следуем в силу традиции и привычки, не веря по-настоящему.

2. Феномен «подвешенной веры», в которой не признаются, которую «оберегают как некую непристойную тайну».

3. Политеистические досовременные религии, подавленные традиционной религиозностью. Их неявность обусловлена включенностью в мифологические основания культуры, в коллективное бессознательное.

4. Иудейское наследие, широко понятое в качестве уникального опыта встречи с радикально Иным. Сюда относится опыт трансцендентности как феномен культуры, понятый в качестве выходящего за рамки каких-то определенных конфессиональных условностей.

5. Гностическая и мистическая традиция христианства, трактуемая не столько как религиозный, сколько как философско-оккультный феномен.

6. Западный буддизм, понятый как феномен секулярной поп-культуры, полностью вписывающийся в идеологию позднего капитализма. Медитативные практики, призванные выработать равнодушное отношение к жесткой конкуренции является способом адаптации к капиталистической системе. От себя добавим, что всю неоязыческую традицию, присутствующую сегодня в пространстве секулярной культуры, включая западный вариант буддизма, неоиндуизм и йогу, правомерно отнести к феноменам массовой культуры¹.

Проблема неявного языка идеологического воздействия исследовалась также постструктуралистами. У Барта понятия явной и неявной идеологии иллюстрируются через разграничения двух уровней языка: денотации и коннотации. На уровне денотации создается смысл. В отношении реальности конституируется система, основанная только на семантических факторах.

В ранний период творчества Барт считал коннотацию идеологическим уровнем, то есть предполагал, что язык создает идеологии на уровне коннотации. Он предполагал, что есть язык, идеологический «по сути», а есть языки, выступающие в качестве орудия идеологий. «Поздний» Барт уже исследует повседневный язык как связанный с идеологизацией денотативного уровня. При этом коннотативные системы маскируются под денотативные высказывания. В рамках разграничения денотации и коннотации у Барта также отмечается, что коннотативный знак всегда так или иначе «встроен» в денотативный и паразитирует на нем, а также то, что денотативные значения даются эксплицитно, а коннотативные тяготеют к имплицитности². В работе «S/Z»

¹ Жижек, С. Кукла и карлик. Христианство между ересью и бунтом / С. Жижек. – М.: Европа, 2009. – 336 с.

² Барт, Р. Нулевая степень письма / Р. Барт; пер. Г. К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М., 2000. – С. 306–349.

в рамках семиологического анализа текста коннотативный смысл трактуется собой первоэлемент текстового кода, источник «Литературы Означаемого». В качестве таковой коннотация порождает двойные смыслы. Денотация и коннотация образуют игровой элемент текста, который, с идеологической точки зрения, обеспечивает иллюзию безгрешности: денотативная система маскируется, денотативный смысл кажется первичным¹. Таким образом, денотация оказывается «последней из возможных коннотаций», «верховным мифом».

В работах Эко (в первую очередь речь идет о концепции, изложенной в «Отсутствующей структуре») проблема явного и неявного функционирования идеологии предстает как проблема декодировки риторических форм. В процессе установления связи между миром кодов и миром предзнания, последнее делается «явным, управляемым, передаваемым и обмениваемым» знанием, которое Эко называет кодом или коммуникативной конвенцией. Знаемое, таким образом, становится системой знаков, идеология превращается в код и становится «зримой» или «явной». При этом определенные способы языкового выражения отождествляются с конкретным миро-воззрением². Следовательно, идеология формирует предпосылки для риторики, а риторические формы со временем обретают узнаваемую форму. Первичное значение в этом контексте приобретает опознаваемость кода, декодировка сообщения, за которым скрывается идеология. Выбор кода зачастую предопределяет выбор соответствующей идеологии. И «явность» идеологии, следовательно, будет зависеть от «правильности» выбранного кода.

Эко намечает линии анализа диалектичности взаимодействия явной и неявной идеологии, которая содержится в исследовании непрерывности процесса образования новых кодов и идеологий. Новая идеология, формируя новую картину мира, открывает новые возможности языка. Это связано с тем, что как на уровне знака, так и на уровне кодов, и на уровне идеологий «явность» функционирования связана с нарушением набора ожиданий. Новые языковые и идеологические навыки со временем становятся общеобязательными и привычными, начинают диктовать свои нормы употребления языка и видения мира. Возникают новые

¹ Барт, Р. S/Z / Р. Барт; под ред. Г. К. Косикова. – М., 2001. – 232 с.

² Эко, У. Отсутствующая структура / У. Эко // Введение в семиологию. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 544 с.

коды и новые идеологические ожидания. Таким образом, процесс перехода от явного к неявному функционированию идеологии и обратно – непрерывен.

Подводя итоги, необходимо сделать следующие выводы:

1. В условиях постидеологического состояния современной культуры в социально-гуманитарных исследованиях отмечается наличие неявных способов функционирования идеологии. Применительно к религии правомерно отметить вневероисповедные формы религиозности, квазирелигии с присущей им социальной мимикрией: стремлением скрыть свою псевдорелигиозную сущность за светскими масками научных обществ, ассоциаций, фондов, центров. При этом неинституциональная религиозность обычно не причисляется к религиозным феноменам, обозначаясь в научной литературе довольно расплывчатыми и нечеткими терминами, как например «широкое распространение мистики» (Григоренко, Миловидов, Поликарпов, Гуревич), «фиктивное сектантство» (Оленич), «культовая среда» (Кэмпбелл), «религиозная энтропия» (Филатов), «новое сектантство» (Эпштейн), «новое язычество» (Крутоус).

2. При неявном функционировании идеологии лингвистический способ анализа становится приоритетным в ее изучении. Явная идеология «скрывает» истинную реальность, используя язык в качестве средства и делая акцент на содержании. Тогда как неявная идеология исходит из положения, что истинной реальности не существует, есть только идеологические конструкции, конституируемые языком. Поэтому акцент делается на форме. В связи с этим на первый план в анализе идеологии выдвигает понятие «декодировки» (Эко).

3. Для различия явной и неявной идеологии на знаковом уровне удобным инструментом является структуралистская модель означающего и означаемого. Согласно данной модели, в идеологии порядок означаемого никогда не одновременен порядку означающего. И для явного, и для неявного способов функционирования идеологии характерно рассогласование означающего и означаемого. Различие состоит в том, что при явном способе бытия идеологии дано означаемое, а означающее должно быть достигнуто.